

Дайвинг на макушке планеты

Александр Аристархов ■ Фото автора, Андрея Сидорова, Ивана Кронберга

Интересная компания погружалась на Северном полюсе в апреле 2015 года – подводные фотографы, фридайверы, опытные подледные инструкторы из России... и первый чернокожий айс-дайвер планеты – нигерийский принц из Великобритании. Об этом увлекательном путешествии рассказывает Александр Аристархов.

На Северный полюс я попал совершенно неожиданно, все-таки жизнь иногда подбрасывает приятные, хоть и рискованные, сюрпризы. Прошлой зимой я работал в «Полярном круге», дайв-центре, широко известном на просторах Отчизны и за ее пределами. В феврале–апреле здесь настоящее столпотворение разноязыких почитателей отрицательной температуры воды и любителей созерцания подледного царства Белого моря. Дружескую конкуренцию нашим родным дайверам со всех российских уголков составляют рассудительные нем-

цы, веселые чехи, шумные и горячие итальянцы с испанцами, невозмутимые финны и шведы, отважные англичане с ирландцами и шотландцами вкупе.

В начале марта в «Полярном круге» вдруг появился еще один гость, не обратить внимание на которого было невозможно даже привычным ко всему старожилам. Он был чернокожим (!), гражданином Великобритании, мало того — сэром Ее Величества (!!), мало того — наследным нигерийским принцем (!!!). Доселе представители африканского континента почти не посещали наши гостеприимные, но суровые берега (за разовым исключением белых граждан ЮАР). Сэр Ог (так его звали), как оказалось, мечтал о Северном полюсе и хотел нырнуть в заветной географической точке. На просторах всемирной паутины он узнал, что наибольшим, можно сказать уникальным, опытом в организации подобных экстремальных погружений обладают именно россияне, точнее — сотрудники «Полярного круга». Поэтому выбор иностранца был predetermined и был однозначным — обучение подледному дайвингу, техническое оснащение и организация столь дальнего вояжа должны быть доверены русским.

Приезд сэра Ога был несколько неожиданным и спонтанным, в текущем сезоне Северного полюса в планах нашей компании не было, но сэр Ог брал все затраты на экспедицию на себя (принц это может себе позволить).

Трасса Шпицберген – Барнео функционирует только пару месяцев в году. Кстати, только Россия хорошо умеет строить посреди Ледовитого океана полноценный аэродром и комфортабельный палаточный городок, способный принять десятки гостей одновременно.

Две недели кряду в любую погоду сэр Ог упорно учился и тренировался. Тем временем будущая экспедиция неожиданно расширилась и усложнилась. На небе определенным образом сложились звезды, и вдруг стало возможным осуществить еще одну давнюю мечту двух человек. Одним из них был Андрей Сидоров, известный фотограф и фридайвер, а вторым... – наш Костя Новиков! Костя, помимо того, что один из самых опытных дайвинг-инструкто-

ров «Полярного круга» (и ему, как я сказал, предстояло быть напарником сэра Ога), является еще и опытным фридайвером (инструктором Федерации фридайвинга и Арнеа Academy). Андрей и Константин уже несколько лет мечтали нырнуть в режиме «фри» на полюсе, и в этом году они каким-то образом сумели найти финансирование своего проекта.

Моей задачей было обеспечение подводной видеосъемки процесса самого главного в жизни Ога погружения (съемку же на поверхности обеспечивала специальная финская киногруппа).

Итак, получалась сложная комплексная экспедиция, состоящая из двух частей: дайверской и фридайверской, которые были на сутки разнесены по времени. Отрывая с Огом, команда дайверов должна была быть эвакуирована вертолетом и оставить ледовый лагерь с подготовленными май-

нами для фридайверов, которые вселились бы в него на следующий день. Иван Кронберг должен был участвовать в обеих частях экспедиции как руководитель, врач и страховщик, Новиков — тоже в обеих (как инструктор-бадди и фридайвер), Сидоров — во второй части (фридайверской программе). С таким раскладом в конце марта все участники разъехались по домам для сборов и окончательной технической подготовки.

Через пару недель мы все вместе (российская часть экспедиции) оказались на Шпицбергене (норвежский Свальбард) с внушительной грудой снаряжения и оборудования. Здесь мы стали ждать своей очереди для заброски на аэродром «подскока», в ледовый лагерь Барнео. Ожидание несколько затянулось из-за поломки шасси самолета, обеспечивающего эти рейсы. Пока пытались починить аварийный самолет и выслали из России резервный борт на замену, в Лонгвире (столице Свальбарда) скопилась уйма транзитеров, пытавшихся попасть в неофициальную «столицу» полярников — дрейфующую в непосредственной близости от полюса российскую ледовую базу Барнео. Мы тем временем знакомимся с природой и достопримечательностями сурового скалистого архипелага, прикрываемые доблестным Кронбергом, вооруженным мощным карабином, — на Шпицбергене весьма обычны белые медведи, легко заходящие и в сам Лонгвир.

Вообще-то, трасса Шпицберген — Барнео функционирует только пару месяцев в году, пока, собственно, и существует Барнео. Кстати, только Россия хорошо умеет (и имеет технические возможности) строить посреди Ледовитого океана полноценный аэродром и комфортабельный палаточный городок, способный принять десятки гостей одновременно. Для этого с больших транспортных самолетов после тщательной воздушной разведки и выбора подходящего ледового поля производится парашютное десантирование тяжелой техники (прежде всего бульдозеров для расчистки взлетно-посадочной полосы), не менее тяжелого лагерного имущества (большие каркасно-надувные дома-палатки, мощные тепловые пушки) и строительной команды. В это время года (середине

на марта — начало мая) погодные условия вблизи полюса более-менее благоприятные — солнце не заходит за горизонт, светло круглосуточно, лед пока еще крепкий и дрейфует умеренно. В этот «сезон» и пытаются попасть на Северный полюс многочисленные научные экспедиции и туристические группы. Наше же ожидание все-таки закончилось, и вся русская группа дайверов и фридайверов с объемным багажом, встретившись здесь с англо-финской группой сэра Ога, с трудом разместились в компактном грузо-пассажирском АН-74.

Итак, несколько часов полета и мы — в Барнео. Барнео, как я уже сказал, — «столица» полюса. Здесь, в нескольких десятках километров от фактической точки пересечения меридианов, собираются все ученые, экспедиционеры и туристы перед заключительным финишным рывком к заветной цели. Люди идут к своей Мечте пешком, на лыжах, на коньках, под парусом, на собаках, необычных вездеходах... Кто как может, как хочет. Но большинство, все же, летят на надежных и проверенных годами МИ-8.

В этом году организаторы сумели подыскать подходящую льдину для Барнео очень близко к географической точке полюса, и полет на вертолетах до него занимает не более получаса времени. А пока, в ожи-

дании своей очереди на очередной рейс, народ тусит в просторной столовой или отдыхает в многоместных туннелеобразных палатках, продуваемых мощными тепловыми пушками. Раз в несколько часов на аэродромную полосу, регулярно очищаемую бульдозерами, приземляется очередной крылатый борт, который высаживает новую группу туристов и забирает отработавших свою программу путешественников.

Мы здесь провели несколько часов и ночью (на дворе солнце по-прежнему стояло в зените), наконец, вылетели к полюсу, чтобы подготовить все для дайвинга непосредственно в нужном месте. Сэр Ог с семьей (да-да, он собирался покорять полюс вместе с очаровательной супругой и не менее очаровательными дочурками!) и финскими киношниками остался отдыхать в «королевских покоях» на Барнео. Андрея Сидорова вертолетчики тоже с нами не взяли, руководствуясь жесткими инструкциями официального первоначального плана.

Наступило время очень важной работы для Ивана Кронберга. Он должен был

в максимальной близости к заветной географической точке найти подходящее место для нашего ледового лагеря, точнее, так называемую «речку» с относительно тонким льдом. Северный полюс — очень активное место с точки зрения гидрологии. Постоянно дрейфующие под воздействием ветров и течений ледовые поля толщиной 2–3 м создают хаотическую картину действительности. Лыдины наползают друг на друга, образуя многосотметровые торосистые гряды, обширные полыньи и узкие трещины-расселины. Нырять в полыньи и трещины — безрассудство: в любую секунду они могут сомкнуться! Поэтому так важно найти «речку» — замерзшую относительно недавно полынью со льдом толщиной в полметра-метр максимум. Это дает хоть какую-то гарантию временной гидрологической стабильности данного места, а толщина льда позволяет проделать майну для спусков.

У нас было не более трех попыток для осуществления задуманного. Обнаружив «речку», вертолет «присаживался» в выбран-

ной точке, не выключая двигателей, а Иван и Костя с ледобурами прыгали на лед и пытались просверлить его. Длина ледобура чуть менее метра, поэтому если бур не доходил до воды здесь или по соседству, то место отвергалось. Две первые попытки не удались, летчики предупредили о последней возможности из-за недостатка топлива и времени (в случае неудачи пришлось бы возвращаться на Барнео, вновь фрахтовать вертолет...). Пока МИ-8 кружил вокруг полюса, Иван Кронберг напряженно всматривался в ледовый пейзаж, выбирая место посадки. С вертолета выгружаем все оборудование и снаряжение, специальная команда неподалеку начинают собирать и устанавливать большую каркасную палатку, а мы размечаем место для майн.

Полутораметровая в поперечнике майна, сделанная в «речке», в случае подвижки льда схлопывается менее чем за минуту. У дайвера подо льдом есть всего несколько секунд для аварийного выхода. Как известно, в СССР 100 %-ную гарантию давал только Госстрах, поэтому в подобных условиях было крайне необходимо особое внимание страхующих и обязательное (!) наличие резервной майны (так же, как и острого ножа в экипировке дайвера). Более того, по настоянию принца мы обязались сделать не одну, а 2 резервные майны, так что впереди у нас был большой объем тяжелой физической работы.

К исходу третьего часа две майны были готовы и делалась третья, когда прилетел вертолет с семейством сэра Ога и финской киногруппой. Палатка с мощной тепловой пушкой уже стояла, и температура внутри нее приближалась к +20 °С, так что дети, побегав по легкому морозцу (на улице было около -30 °С), отправились за стол к чаю с плюшками. Мы продолжили долбить-пилить лед, а сэр Ог с супругой и «горячими» финскими видеооператорами вновь погрузились в вертолет, чтобы перед дайвингом еще и прыгнуть на «макушку» планеты с парашютами! Вот такую нетривиальную программу задумал себе принц.

Прыжки с воздуха закончились благополучно, если не считать того, что финны потерялись в воздухе сразу же после того, как шагнули из вертолета в дверной проем, по-

Электричества нет, используются разного рода горелки, чаще всего бензиновые (газ замерзает в баллонах и не горит). Кислород в палатке выгорает и страшно воняет бензином. Запах керосина, дизтоплива и бензина – главный запах таких экспедиций.

этому шикарных видеоклипов свободного падения и управляемого дальнейшего планирования к полюсу сэр Ог не получил. Выручили опять русские – опытные инструкторы-парашютисты, в тандеме с которыми прыгал принц с супругой, сумели снять их воздушные эмоции «гоу-прошками», закрепленными на запястьях.

Сконфуженные финны добрались до лагеря спустя только час, волоча за собой особые сверхманевренные парашюты, когда мы

уже вовсю готовились к погружению в теплой и просторной палатке.

Я быстро облачился в привычное снаряжение, многократно проверенное в условиях зимнего Белого моря, прихватил съёмочную технику и вышел к главной майне, чтобы заблаговременно спуститься под лед и там ожидать Константина с сэром Огом. Леша Виноградов встал на страховку. Дул легкий ветерок, солнце висело над горизонтом в розовой дымке, вокруг майны соб-

рались немногочисленные зрители и болельщики: вертолётчики, парашютисты, лагерная команда и семья Ога. Один из фотоаппаратов (резервный) я припрятал от ветра в тени льдины, к которой был привязан страховочный фал, надел маску и ласты и аккуратно сполз в снежную шугу, прихватив с собой двухэтажную конструкцию, на которой были закреплены еще две фотокамеры и видеоосветители. Задача была очень ответственная, профессионал не имеет пра-

ва сослаться на неудачу по причине технической поломки, поэтому всю технику необходимо дублировать, и не раз.

Нужно заметить, что современные фотоаппараты с большими матрицами обеспечивают весьма качественное видеоизображение, удовлетворяющее профессиональным требованиям. Финская команда, кстати, тоже делала всю надводную съемку фотокамерами, дополняя ее «гоу-прошками» в опасных случаях и при трудных ра-

Картину подледного царства полюса невозможно описать словами! Поразительная прозрачность воды, мягкий приглушенный свет, пробивающийся через трещины и разводья, фантастический рельеф нижней поверхности льда с причудливыми ледовыми скульптурами.

курсах (одну из экшн-камер они закрепили и на моей дублированной платформе, предложив один раз нажать на «старт» записи и забыть о ней).

Итак, я сполз в майну, затолкал себя под ледовую кромку и... обомлел. Картину подледного царства полюса невозможно описать словами, ее не передаст ни пленка, ни матрица самого хорошего фотоаппарата, ее надо лицезреть воочию! Поразительная прозрачность воды, четкие контуры торосов в нескольких десятках метров от наблюдателя, мягкий приглушенный свет, пробивающийся через трещины и разводья, необыкновенный цвет чистойшей океанской воды и фантастический рельеф нижней поверхности ледяного панциря с причудливыми ледовыми скульптурами и гигантскими иглами кристаллов. Несколько минут я просто висел рядом с майной, тарасьась на все это великолепие, машинально делая обязательную процедуру чек-стопа для проверки работоспо-

способности своего легководолазного снаряжения. Дыхательное оборудование работало исправно, хотя наручный компьютер показывал -3°C : такой низкой температуры я в условиях опресненного Белого моря не встречал. Затем, чуть придя в себя от увиденного, я проверил и настроил съемочную технику.

А вскоре в майне появились и ноги сэра Ога и Константина. Я приготовился к съемке и даже включил запись, но наверху пошла явная задержка. Костя спустился в майну, затем это сделал Ог, они начали процедуру чек-стопа, но почти сразу выскочили обратно на поверхность. Минут через пять я подвсплыл, чтобы узнать в чем дело. Оказалось, что сэр Ог изменил привычную и отработанную конфигурацию своего снаряжения и неко-

Мое мокрое снаряжение превратилось в настоящий панцирь. Я безуспешно пытался отогреть неопреновый «сухарь» над горелками, но пока одна часть костюма отогревалась, другая вновь замерзала.

торые ее элементы. Вернувшись после Белого моря в Великобританию, он дополнительно проконсультировался у бравых английских военных водолазов и «усовершенствовал» свое снаряжение согласно их рекомендациям. И оно сразу отказалось работать в столь экстремальных условиях! Поэтому Кронберг теперь хлопотал вокруг Ога, срочно меняя отказавшие элементы на наши резервные.

Провозившись четверть часа, Костя и Ог продолжили погружение. Наконец у них пошло все как надо: они плавали под поверхностью льда, опускались вдоль склонов торосов к их подножию на глубину 10–12 м, любовались двухметровыми «сосульками», через которые распрессняется соленый морской лед, поглаживали острые кристаллы и ледяные иглы (такие шарообразные образования мы называли «ежиками»). Я все это фиксировал на видео, постепенно испытывая все большие проблемы с четким визированием картинки на экране монитора. Дело оказалось в том, что стекло маски стало обрастать слоем льда с внутренней стороны (все-таки лишние «минус» полградус-

са-градус сказываются однозначно). К концу погружения (а оно продолжалось для меня почти 70 минут) я мог видеть окружающий мир только одним глазом через небольшой пятачок в центре левого стеклышка маски. Этот момент был, пожалуй, единственным отрицательным в тот день...

Все вышли из воды с чрезвычайным воодушевлением и самыми положительными эмоциями. Мечта сэра Ога сбылась, он был удовлетворен на все 100%! Мы с Костей тоже были полны впечатлений и по-настоящему счастливы. Все мы, включая Кронберга и Виноградова, испытывали огромное облегчение и радость от осознания удачного выполнения своей миссии.

Вскоре сэр Ог, утомленный приключениями, улетел на Барнео вместе со своей семьей и финской командой. Мы же остались абсолютно одни на льду в 300-х метрах от полюса, с огромной палаткой, но... без тепловой пушки! (Ее забрали, тем более что горючее для нее закончилось.)

Как мы и предполагали, временные сдвиги наших подпрограмм, вызванные логистическими накладками, позволили продолжить нашу дайверскую экспедицию на сутки, объединив ее с фридайверской. Нам оставалось лишь отдохнуть и дожидаться Андрея. Температура в палатке постепенно понижалась, но мы повалились спать в толстых спальниках, измотанные многочасовыми физическими нагрузками, впечатлениями и эмоциями.

Утром первым рейсом прилетел Сидоров. Экипаж вертолета высадил одного Андрея со скромным багажом и тут же увез основную группу туристов в точку полюса. Мы издали наблюдали, как они водят хороводы вокруг воображаемой земной оси и радостно пускают сигнальные ракеты. Андрей с Костей уединились, чтобы обсудить свои планы, отдохнуть, расслабиться и настроиться на нырок. Мы тем временем расширили основную майну для апноистов и, воспользовавшись возможностью, решили совершить дополнительные, внеплановые погружения. Когда еще жизнь подбросит такой шанс?

Решили, что Кронберг нырнет в паре с Лешей (я страхую), затем Виноградов страхует меня, а Ваня переключится на страховку и обеспечение фридайверов. Ребята быстро

собрались и удачно нырнули в почищенную мной майну (за ночь в ней вырос почти 10-сантиметровый лед). Оба вышли из воды в состоянии шока от увиденных под водой картин. Особенно впечатлен был Алексей, для которого это было первое (и совершенно неожиданное) погружение на полюсе, Иван же с удовольствием отметил, что подводный ландшафт в этом месте чрезвычайно эффектен и в прошлые годы он таких красот подо льдом не наблюдал.

Настал черед и мне готовиться к погружению. Тут меня ожидал неприятный сюрприз. Несмотря на все включенные нами горелки — бензиновые (работали хорошо) и газовые (работали плохо, газовые баллоны в них замерзли), температура внутри палатки за ночь упала до -6°C . Мое мокрое снаряжение превратилось в настоящий панцирь. Я безуспешно пытался отогреть неопреновый «сухарь» над горелками, но пока одна часть костюма отогревалась, другая вновь замерзала. Ребята посоветовали нагреть воду в чайнике, полить костюм и быстренько в него влезть. Это удалось, но не совсем: нагрев гидрокостюм, я умудрился натянуть его лишь наполовину, после чего он стал на глазах дубеть, и Кронбергу пришлось приложить все свои недюжинные силы, чтобы затолкать меня внутрь и застегнуть молнию. С перчатками и шлемом было проще (были сухие запасные),

Барнео – «столица» полюса. Здесь, в нескольких десятках километров от фактической точки пересечения меридианов, собираются все ученые, экспедиционеры и туристы перед заключительным финишным рывком к заветной цели.

поэтому на негнущихся ногах я доковылял до майны, с трудом напялил скубу и свалился в майну. Костюм и компенсатор плавучести в воде быстро оттаяли, я взял вчерашний фотокомплект, затолкал себя под лед и в полном одиночестве растворился в космосе. Наконец появилась возможность поплавать для себя и сфотографировать полюс с «изнанки». Очень не хватало

напарника в качестве модели, чтобы оживить волшебный мир и придать масштабность картинке. Но все равно я был абсолютно счастлив, что судьба подбросила мне такую уникальную возможность. Проблема с замерзанием стекла маски была частично решена советом Кронберга – всегда держать в подмасочном пространстве немного воды. Тогда она нагревается от кожи лица, и ею можно более эффективно ополаскивать стекло маски. Второе мое погружение длилось 65 минут.

Когда я вышел из воды, полным ходом осуществлялась фридайверская программа. Отдохнувшие и сосредоточенные Андрей и Костя, смочив свои мокрые костюмы горячей водой из термосов, натянули их и от-

правились с ластами под мышками к майне, вокруг которой хлопотал Иван. После дыхательной разминки Андрей совершил первый зачетный нырок вдоль желтого троса с грузом, уходящего к центру Земли. Костя его страховал и встречал при подъеме.

Андрей в экстремальнейших условиях сумел установить свой личный рекорд, достигнув глубины 34 м. Он стал первым фридайвером планеты, нырнувшим практически в географической точке полюса (за ночь дрейф льдины оказался мизерным, GPS показывал все те же 300–350 м расстояния до цели)!

Затем настал черед Константина. Он долго готовился в ледяной шуге, лежа на спине, затем перевернулся на живот, согнулся в поясе и выбросил ноги в моноласте над

поверхностью, бесшумно уйдя в черную пучину. Мы все замерли — Костя был заряжен на рекордное погружение и планировал превысить глубину 60 м. Примерно через минуту ему навстречу нырнул Андрей, и вскоре обе их головы оказались на поверхности. Ура! Костя нырнул на 65 метров!!! Есть рекорд и все живы! Для его осуществления Костя и Андрей в феврале сделали серию погружений под лед Белого моря в режиме апноэ, Сидоров потренировался чуть позже еще и на зимнем Байкале.

Одно хочу отметить особо: Костя и Андрей — настоящие герои, условия для рекордных нырков были чрезвычайно трудными и опасными!

Заканчивая свой рассказ, хочу отметить, что путешествие на полюс стало для меня самым значимым событием в моей подводной биографии. Я бесконечно признателен за это судьбе. Пользуясь возможностью, приношу самые искренние слова благодарности дайв-центру «Полярный круг», лично Михаилу Сафонову, своим верным друзьям и коллегам — Ивану Кронбергу, Константину Новикову, Андрею Сидорову, Алексею Виноградову и, конечно же, сэру Огу!

